

ЕЩЕ ОБ ЭССЕ ФУКУЯМЫ

С моей точки зрения, в захватывающем эссе Фрэнсиса Фукуямы говорится о „конце истории” в двух смыслах. Первый — гегельянский, в котором историческая диалектика достигает своего неизбежного и предсказуемого завершения. Второй же относится к окончанию послевоенной истории. Именно в этом смысле мы задаемся вопросом: закончилась ли холодная война?

Я не чувствую себя достаточно подготовленным, чтобы привести дельные замечания по первому вопросу, хотя лично я весьма скептически настроен по поводу любого утверждения, что человечество отныне не познает ничего нового.

Возможно, что, родился я в иное время и в ином месте, Гегель пришелся бы мне весьма по душе. Однако при тех обстоятельствах, в которых проходила моя молодость, это выглядело бы весьма маловероятным, а кроме того, я никогда не учил немецкий (собственно говоря, этому языку тогда попросту не обучали). В зрелом возрасте я набрел на Дарендорфа, чья лекция „О происхождении неравенства среди людей”, прочитанная в Тюбингене в 1961 г., похоже, освобождала (или мне казалось, что освобождала) от всякой обеспокоенности по этому поводу. В XVIII и XIX веках в Европе этот вопрос широко обсуждался. Многие из этих рассуждений в конце концов привело к объяснению неравенства через частную собственность. Руссо и Маркс были „неодолимы в своем стремлении видеть в собственности единственную причину социального неравенства”.¹ „Затаенный романтизм революционной утопии”. Все оказалось напрасным.

Общество устанавливает нормы. В этом-то и смысл общества. В любом социальном контексте кто-то преуспевает больше остальных, соблюдая или нарушая определенные нормы, какими бы они ни были (например, для ориентации людей на то, чтобы они были добрее и вежливее) и, следовательно, имеется неравенство.

В человеческом обществе поведение людей изъято из сферы произвола случайностей, оно регулируется установленными представлениями, обойти которые невозможно. Принудительный характер этих представлений или норм основывается на системе санкций, т. е. поощрений или наказаний — за конформизм или же за всякого рода отклонения от правил. Если, следуя этой логике, рассматривать каждое общество как группу со своими моральными устоями, то должна существовать градация неравенства, возникающая в результате санкционирования поведения по соответствию или несоответствию его установленным нормам. В какие бы формы данное историческое общество ни облекало вводимые таким образом различия между своими членами, какие бы внешние символы неравенства оно ни провозглашало и каким бы ни был подлинный смысл его социальных норм, ядро социального неравенства всегда может быть найдено, поскольку люди как носители социальных ролей являются объектами санкций, цель которых — охранять доминирующие нормативы общества. Они подвержены этим санкциям в той степени, в какой их роли соотносятся или не соотносятся с этими нормативами.

Те, кто считают общество устроенным иначе, лишь накликают на себя беду.

Любые политические программы, обещающие создание общества без классов и страт, превращение его в гармоничное сообщество товарищей, равных между собой, низведение всех форм неравенства до функциональных различий и тому подобное, должны вызывать подозрения уже хотя бы потому, что политические обещания зачастую являются камуфляжем террора и всякого рода ограничений. Всюду, где правящие группы или их идеологи пытаются доказать, что в их обществе все люди равны, можно быть уверенным, что, как это сформулировал Джордж Орвелл, „некоторые равнее других”. Это проявлялось

столь очевидно и в течение столь долгого времени, что сейчас утопии изрядно дискредитированы. Мы, по утверждению Фукуямы, являемся свидетелями „триумфа Запада... полного истощения некогда жизнеспособных системных альтернатив западному либерализму”. Достаточно справедливо. Но являемся ли мы действительно свидетелями достижения человечеством конечной точки идеологической эволюции и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления рода людского?

Здесь я ловлю себя на том, что бормочу про себя что-то насчет Второго закона термодинамики и перспективы „гибели вселенной от перегрева”, из-за недостатка энергии в той форме, которая могла бы быть трансформирована в работу. Вряд ли речь идет о непосредственной перспективе, с которой народам земного шара предстоит столкнуться в ближайшем будущем. Но возвратимся к Дарендорфу:

Система социальной стратификации является лишь средством согласования поведения социальных групп только, если это правило применяется ко всем (а фактически оно является лишь доминирующим). В результате неравенство становится динамическим импульсом, способствующим поддержанию жизни в социальных структурах. Поэтому всякая система социальной стратификации порождает протест против ее принципов и несет в себе семена собственного уничтожения. Поскольку человеческое общество без иерархического неравенства на практике невозможно и поэтому полная отмена неравенства исключена, мина замедленного действия, изначально заложенная во всякую систему социальной стратификации, подтверждает общее правило, что создание идеального, совершенно справедливого и поэтому стоящего по ту сторону истории человеческого общества невозможно.²

Оспаривает ли Фукуяма эту точку зрения? Я не уверен. Он пишет, что „в либеральном обществе невозможно исключить внезапное появление новых идеологий или ранее непризнанных противоречий”. Позвольте мне заверить его, что это не столь уж невозможно! В заключительном параграфе он даже отмечает: „И я сам, и мое окружение испытываем ностальгию по тем временам, когда история еще существовала”. Боюсь, что ему все-таки доведется вновь пожить „в интересные времена”!

Что касается конца послевоенной истории, то здесь, я полагаю, Фукуяма прав, хотя еще совсем недавно этот тезис был бы воспринят с недоверием если не всеми, то, по крайней мере, многими.

У Натана Глейзера и у меня есть похожий в этом плане опыт. Вот уже почти тридцать лет мы доказываем, что все возрастающая роль межнациональных отношений в индустриальном и постиндустриальном обществах наперекор марксистскому анализу является фундаментальным противоречием коммунистических обществ почти повсюду. Тем не менее на это не обращали особого внимания. Межнациональные отношения (как категория социальной стратификации) просто не могут пробиться через марксистские заклятья так же, как не может сделать это либерализм. В 1977 г. в Великобритании был опубликован „Справочник современной мысли”,* и там даже не было статьи на эти темы. Мы указали на это и нас попросили написать такую статью для второго издания, которое вышло в 1988 г. В статье этой имеется следующее утверждение:

В Манифесте Коммунистической партии Маркс и Энгельс предсказывают, что все национальные различия, свойственные предшествовавшей эпохе промышленной революции, исчезнут с появлением в мировом масштабе промышленного ПРОЛЕТАРИАТА, объединенного осознанием сходства условий жизни и общностью интересов. Идея Пролетариев Всех Стран, основополагающая в МАРКСИЗМЕ, все больше и больше становится основным опровержением марксистских предсказаний.³

Скорее всего, тридцать лет назад оксфордское издание заведомо отказалось бы принять какое бы то ни было утверждение об опровержении марксизма (что само по себе было подыгрыванием в пользу „научно-коммунистического” жульничества). Пятнадцать лет назад они бы лишним раз подумали, прежде чем печатать нечто подобное. Однако в 1986 г. статья была принята без комментариев и напечатана без поправок.

*“Fontana Dictionary of Modern Thought”.

Здесь мы с Фукуямой расходимся. Он, похоже, желает быть членом команды „добрых гегельянцев”. Он описывает подъем протестантского капитализма как триумф одной идеи над другой. Серьезное утверждение, хотя разве у итальянцев сегодня уровень жизни не выше, чем у англичан? Но это утверждение не является верным в том плане, в котором он исполняет свою конструкцию для объяснения нынешнего поведения славян. Марксизм провалился, потому что провалились его предсказания. Пролетарии Всех Стран не объединились. Социалистическая производительность не оказалась более эффективной. В 1982 г. М. Фешбах сообщил, что средняя продолжительность жизни мужчин в Советском Союзе сократилась.⁴ Оговоримся, что такие факты могут быстро превратиться в метафору, а следовательно — в какие-то мифы. И все-таки вначале был факт. Так и сбивают с толку людей.

Факт упадка советской экономики является осознанным. Поговорите с официальными лицами в Москве или Ленинграде. Два года назад они говорили об „увеличивающемся разрыве между Советским Союзом и развитыми капиталистическими странами”. Они имели в виду не Голландию. Это Петр I все сравнивал с Голландией. Они же говорили о Корее, Тайване, Сингапуре. О вкалывающих с утра до ночи кули. Об азиатских ордах. О внезапном наводнении мирового рынка микроэлектроникой в то время как Советская Россия по-прежнему занимается торговлей вразнос рыбой, яйцами да мехами — традиционным ассортиментом общества периода собирателей и охотников. Что же до идеологии, то, как выяснилось, партийные работники в Москве на имевших большое значение выборах марта 1989 г. в среднем набрали 11% голосов.⁵

Мне бы хотелось выяснить, воспримут ли Соединенные Штаты все это к сведению при формулировании своей внешней политики? В 80-е годы этого явно не произошло. Наоборот, согласно рейгановской доктрине, мы тогда вступили в третью фазу расширения советской империи. Первая была после первой мировой войны и завершилась скромной аннексией Прибалтики и общим укреплением центральных областей. Существенная экспансия произошла после второй мировой войны как в Европе, так и на Дальнем Востоке. Вскоре, однако, серд-

цевина империи оказалась окруженной враждебными капиталистическими странами. На третьей фазе метрополия подверглась удару с тыла, со стороны повстанцев в третьем мире. В речи перед слушателями Военно-морской академии весной 1984 г. Роберт Макфарлейн, который был тогда помощником президента по национальной безопасности, заявил, что в результате этого прежняя политика сдерживания „устарела”. Русские стали „сильными в военном отношении и достаточно авантюристичны, чтобы совершить стремительный бросок через буферные страны и приземлиться в любом уголке мира, который покажется привлекательным с точки зрения их стратегии”. Поэтому возникла необходимость в новой американской доктрине, которая бы шла „дальше концепции сдерживания”.⁶

Так г-н Макфарлейн оправдывал минирование никарагуанских портов и поддержку силам антисандинистского сопротивления, что придавало дополнительный импульс новой доктрине. В 1986 г. в статье в “Strategic Review”, сотрудник государственного департамента изложил эту доктрину таким образом:

„Рейгановская доктрина” разворачивается наряду с замечательным феноменом мирового масштаба: внезапным взрывом сопротивления как прямой так и непрямой экспансии Советского Союза в столь отдаленных один от другого регионах как Азия, Африка и Центральная Америка. Доктрина как форма выражения американских моральных ценностей призывает к различным формам поддержки этих сил сопротивления. В мировом масштабе она стремится не только отразить советское наступление в развивающихся странах, имеющее многолетнюю историю и недавно вступившее в более интенсивную фазу для обхода с флангов центров капиталистического мира, но и использовать уязвимые бреши, открывшиеся в советской стратегии, чтобы отбить это наступление. Доктрина как таковая опирается на стратегические принципы объективного наступательного сочетания силы и маневрирования.⁷

Такая стратегия предусматривала, среди всего прочего, и привлечение на нашу сторону аятоллы Хомейни.

Среди последователей рейгановской доктрины нашлись весьма неистовые. Их деятельностью режим был доведен почти до кризисной ситуации. Я цитирую слова Теодора Дрейпера о кризисе в связи с операцией по покупке оружия для никарагуанских повстанцев на деньги, вырученные от продажи американского оружия Ирану.

„Если конституционной демократии Соединенных Штатов когда-либо суждено быть свергнутой, то теперь мы лучше представляем себе, как это вероятнее всего может произойти”.⁸

Созданный этими людьми наш собственный „застойный период” столь же зловещ, поскольку продолжается и после их ухода. За восемь лет они увеличили государственный долг на сумму, почти равную сумме кредитов, которые Соединенные Штаты предоставили другим странам во время второй мировой войны. Но на этот раз Соединенные Штаты оказались в долгу у всего мира. И нашей экономике приходится напрягать все силы, чтобы идти в ногу с „развитыми капиталистическими странами”.

Вряд ли можно найти утешение в том, что в конце истории или, по крайней мере, в конце XX столетия „все основные принципы либерально-демократического государства улучшить нельзя”, если основные либерально-демократические государства сами находятся в состоянии полного изнеможения от борьбы, истощены и деморализованы. Проявление упадка Америки — „гипертрофированный имперский размах”, и „удвоившийся бюджетный дефицит” — ошутимы во всем. Но администрация, начавшая этот процесс, была переизбрана на третий срок.

Это представляет собой главный вызов и дает прекрасные возможности администрации Джорджа Буша. У него развязаны руки, и он может изменить американскую политику по отношению к Советскому Союзу как пожелает, не рискуя быть обвиненным в ее подрыве. Собственно говоря, последние годы пребывания Рейгана у власти проложили Бушу дорогу. В конце концов, именно Рейган оправдывал свою дружбу с новым кремлевским лидером в весьма необычных выражениях:

„...Это первый руководитель, который вернулся к досталинским временам и... пытается сделать то, чему учил Ленин... Я немножко знаю о Ленине и о том, за что он выступал, и я думаю, что все это — гласность, перестройка и все такое прочее, гораздо больше смахивает на Ленина, чем на Сталина”.⁹

Я уже где-то писал о „возвращении к нормальному” американскому президентству, и есть все основания полагать, что сейчас это возможно в том, что касается отношений с Советской Россией. Конечно, нам следует разобраться в том, что изменилось, чтобы соответственно изменить нашу нынешнюю политику. В сущности русское руководство отказалось от претензии на то, что советская социальная и экономическая система представляет собой нечто новое и предопределяет следующий этап истории, вследствие чего оно стало признавать себя связанным правилами нынешнего исторического этапа. Это руководство уже не связано какими-то догмами, а действует попросту как инструмент исторического процесса, который был начат не им, и власти над которым у него не больше, чем у буржуазии или даже у феодалов.

Это не означает, что наши отношения с Россией станут дружественными или хотя бы что с ней можно будет сотрудничать. Но отныне русские принципиально отличаются от тех, кого в течение семидесяти лет кормили революционными надеждами.

Все это стало ясно во время необычного появления Джорджа Кеннана в сенатском комитете по внешним сношениям весной 1989 г. Восемидесятипятилетний старик, который в далеком 1946 г. послал из Москвы „длинную телеграмму”, заявил комитету, что наступил конец русской революции. В истории нашего комитета было не много таких моментов. (По завершении выступления Кеннана все присутствовавшие встали и разразились овациями.) С безупречной ясностью и сдержанностью он провел нас от начала советской истории до наших дней, осветив события в такой перспективе, которая изменяла восприятие почти каждого сюжета, который он затрагивал.

Прежде всего он искусно, умело подбирая слова, предложил

нам думать о *России*, а не о какой-то агитпроповской абстракции по имени Советский Союз. (В России военные не обладали цезаристскими замашками, правление гражданских там не было под угрозой и т. д.) Во вторых (и это второе было не менее важно, чем первое), нам было предложено принять во внимание ключевое значение национализма для опыта, который накоплен русскими в новое время. Нет ничего, что хоть отдаленно приближалось бы по важности к этим двум факторам. Марксизм? „Он пригоден лишь для объяснения трагедий классового неравенства на раннем этапе промышленной революции...”¹⁰ Нельзя сказать, что это учение полностью абсурдно, но оно вряд ли имеет какую-либо значимость на пороге XXI века.

Вот вывод Кеннана:

„Я полагаю, что какими бы ни были причины, по которым мы в какое-то время рассматривали Советский Союз как возможного, если не наиболее вероятного военного противника, теперь это устарело. К этой стране следует относиться лишь как к сверхдержаве — такой же, как остальные сверхдержавы, чьи стремления и политика обусловлены в значительной степени ее географическим положением, историей и традициями, а следовательно — не идентичны нашим, но, однако, не находятся с ними в конфликте настолько серьезном, чтобы исходить из предположения, что эти различия не могут быть урегулированы нормальными средствами компромисса и уступок. Я считаю, что сейчас наша задача — как можно скорее ликвидировать путем дружеских переговоров элементы неинормальной военной напряженности, которая еще недавно господствовала в американо-советских отношениях. Нам не следует пренебрегать нашей безопасностью в целом, но все-таки нужно обратить внимание в основном на позитивные возможности отношений между СССР и США, что весьма немаловажно”.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ralf Dahrendorf. *Essays in the Theory of Society*. Stanford University Press, 1968, p. 159.
- 2 Там же, стр. 177–178.
- 3 Alan Bullock, et. al. *The Fontana Dictionary of Modern Thought*, rev. ed. (London; Collins, 1988), 285.
- 4 Murray Feshbach, "Issues in Soviet Health Problems", in *Soviet Economy in the 1980's: Problems and Prospects*, Selected Papers submitted to the Joint Economic Committee, Congress of the United States, December 31, 1982 (Washington: GPO, 1983).
- 5 Bill Keller, *Soviet Voters Deal a Mortifying Blow to Party Officials*, – "New York Times," March 28, 1989, p. A10.
- 6 Barnard L. Collier, *McFarlane Says Hill Knew About Mining*. – "Washington Times", April 13, 1984, p. 1.
- 7 William R. Rode. *The Reagan Doctrine*. – "Strategic Review", 14, No. 1 (Winter 1986), p. 21.
- 8 Theodore Draper. *The Rise of the American Junta*. – „New York Review of Books”, October 8, 1987, p. 47.
- 9 Lou Cannon. *Text of Interview with President Reagan*. – "Washington Post", February 26, 1988, p. A31.
- 10 George F. Kennan. *Testimony before the Senate Committee on Foreign Relations*. – "The future of U.S. – Soviet Relations: Overview", April 4, 1989.